

МОНИКА. АЛХИМИЯ ДНА

ИСТОРИЯ О ПАДЕНИИ,
ТЕМНЫХ ЖЕЛАНИЯХ
И ПУТИ К ЦЕЛОСТНОСТИ

МОНИКА ВОЛЬФ

18+

Моника Вольф

Моника. Алхимия дна

«Автор»

2026

Вольф М.

Моника. Алхимия дна / М. Вольф — «Автор», 2026

Она выбирала это. Каждый раз. Каждую паузу, в которой могла уйти — и не ушла. Четыре года в закрытом клубе для взрослых. Не потому что хотела острых ощущений. Потому что только там можно было перестать быть функцией — матерью, экспертом, женщиной в строгом платье, которая держит всё и всех. Там рождалась Моника. Та часть, которую везде остальные делили пополам. Но и там разделили. Это книга не про грехопадение и не про исцеление. Здесь нет хэппи энда, потому что жизнь — не та история, в которой он бывает. Здесь есть дно. Ломка. Целибат, который болит восемь недель по-настоящему. Бизнес на грани. Дочь, которая ждёт дома. И медленное, дорогое понимание: голод никуда не делся. Моника никуда не делась. Просто больше не управляет. «Моника. Алхимия дна» — исповедь женщины, которая требовала быть увиденной целиком. И заплатила за это полную цену. 18+

© Вольф М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВАЖНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ I. ДО КЛУБА. РОЖДЕНИЕ ГОЛОДА	9
ГЛАВА 1. ТРЕЩИНА В ПОТОЛКЕ	9
ГЛАВА 2. СНИСХОЖДЕНИЕ	11
ГЛАВА 3. 4:10 УТРА	13
ГЛАВА 4. ФУНКЦИЯ	15
ГЛАВА 5. РОЖДЕНИЕ МОНИКИ	17
ГЛАВА 6. ТОЛЬКО ОДИН РАЗ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Моника Вольф

Моника. Алхимия дна

ВАЖНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Эта книга основана на реальных событиях. Имена, внешность, биографические детали, география и хронология изменены — не из страха, а из уважения к тем, кто шёл рядом со мной и не захотел превращать свою жизнь в текст. Я переставила мебель, но не тронула стены. Психологический рисунок точен. Эмоциональная правда — неизменна.

Книга предназначена для читателей 18+

ПРОЛОГ

Поверьте: вы об этом действительно ничего не знаете.

Не потому, что это закрыто, засекречено, спрятано за семью замками. Не потому, что кто-то стоит у двери и проверяет пароли. А потому, что людей, способных смотреть на определённые вещи без морализаторства и без страха, — единицы. Остальные либо осуждают, не зная, либо завидуют, притворяясь, что осуждают. Третьего варианта культура не предлагает. Она вообще не любит третьих вариантов — они слишком сложны, слишком неудобны, слишком требуют думать.

Я прожила эти четыре года так, будто меня подключили к высоковольтной линии. Не к розетке — к линии. К той, что гудит над головой, когда идёшь по полю вдоль опор, и волосы на руках встают дыбом от невидимого напряжения. Энергия до сих пор пульсирует под кожей — горячая, плотная, не дающая спать в тихие часы между тремя и пятью утра, когда город молчит, когда замолкают даже трамваи, и некуда деться от себя самой. В эти часы тело помнит всё. Каждое прикосновение — точное, как ожог. Каждый вдох, который я задерживала, чтобы не выдать себя. Каждый момент, когда я переступала черту — ту, которую сама же провела, и сама же стёрла, и провела заново. И каждый раз, когда переступала, внутри что-то сжималось — не от стыда, не от страха. От того, как сильно хотелось ещё раз. Тело ведёт свою бухгалтерию, и в ней нет ни одной списанной строки.

Человек, проживший в этой атмосфере десятилетие, написал бы спокойнее. Хладнокровнее. С дистанцией опытного наблюдателя, который давно перестал удивляться и давно научился смотреть на огонь, не обжигаясь. Я же пишу так, как умею: изнутри. Горячо. Иногда неловко. Иногда — с той избыточной откровенностью, от которой хочется отвернуться, как отворачиваются от слишком яркого света. Без той шлифовки, которую даёт время, прожитое в безопасности. Потому что я ещё недостаточно далеко отошла от края, чтобы смотреть на него равнодушно. Край всё ещё виден — стоит повернуть голову. Иногда я чувствую его дыхание — холодное, тянущее, как сквозняк из незакрытой двери.

Когда я временно покинула эту среду — чтобы спасти то, что ещё можно было удержать, чтобы не потерять всё, что с таким трудом строила параллельно, в другой, дневной своей жизни, — моё альтер эго впервые за долгое время осталось в тишине. И тишина оказалась бездонной. Не уютной — не той, в которую хочется погружаться, как в горячую ванну в конце долгого дня, когда мышцы расслабляются и мысли становятся мягкими. Нет. Это была другая тишина. Та, что открывается под ногами внезапно — как провал в полу, которого раньше не было. Та, в которой слышишь собственное сердцебиение, и оно кажется слишком громким, слишком настойчивым, слишком живым для того количества пустоты, которое тебя окружает.

Высокий, почти наркотический уровень дофамина, сопровождавший меня всё это время, — тот самый коктейль из адреналина, окситоцина, эндорфинов и чистого, неразбавленного возбуждения, который тело научилось считать нормой, — внезапно исчез. Не постепенно, не плавно, не как закат, дающий время привыкнуть к темноте, — резко, как выдернутый из розетки провод. Щелчок — и тьма. Остались только тени — бледные, размытые отголоски того дикого, почти животного ощущения жизни, что стало мне привычным воздухом. Радость стала пресной, как еда без соли. Желание — тупым, как нож, которым давно не пользовались и который покрылся тонким налётом равнодушия. Тело продолжало функционировать — вставать, одеваться, ехать на встречи, улыбаться, считать цифры, — но уже без прежнего огня. Без того неутолимого голода, который я теперь умею называть своим настоящим именем: зависимость.

Зависимость. Слово, от которого хочется отмахнуться. Слово, которое ассоциируется с чем-то клиническим, с чем-то, что случается с другими — с теми, кто слабее, кто не справился, кто не контролирует. Но зависимость не спрашивает разрешения. Она не стучится в дверь —

она уже внутри, когда ты замечаешь её присутствие. Моя личная, неповторимая, выращенная из конкретных семян в конкретной почве. Из голода по прикосновению, который начался в браке. Из потребности быть увиденной — та началась в детстве. Из страха быть оставленной — тот начался с матери и ножа на кухне. Из жажды контроля над тем, над чем его никогда не было.

Возможно, будет скандал. Возможно, кто-то узнает себя — несмотря на все мои предосторожности. Возможно, мне позвонят ночью и скажут то, что обычно говорят людям, осмелившимся рассказать правду: «Как ты могла?» Пусть. Я могла. Я смогла. И я расскажу.

Моника живёт в этих страницах не как выдуманный персонаж. Она — зеркало. Живое, беспощадное, не знающее пощады к тому, кто в него смотрит. Зеркало, которое я долго боялась поднять, потому что подозревала: то, что я там увижу, не совпадёт с той версией себя, которую я предъявляла миру. Той отполированной, безупречной, социально приемлемой версией, которая носит строгие платья и говорит правильные слова на деловых встречах. Той версией, которая улыбается на родительских собраниях и никогда не повышает голос в общественных местах.

Интеллектуальная, отлично образованная женщина узкой и очень дорогой компетенции. Эксперт по дистресс-активам — по тем объектам недвижимости, которые никто не хочет, которые стоят мёртвым грузом на балансах банков и инвестиционных фондов, которые пахнут проблемами и юридическими рисками. Я умела видеть в этих руинах будущее золото. Умела считать там, где другие видели только хаос. Умела находить выход из лабиринтов, в которые другие боялись входить. Днём она — я — носит строгие платья. Под платьем — роскошное бельё. Шёлк, чуть холодный у кожи. Кружево, которое щекочет, когда садишься, и я думаю об этом посреди деловых переговоров и ненавижу себя за то, что думаю, и не могу перестать. Никто не видит этого белья. Но я чувствую его каждую секунду — как тайну, которая тяжелее, чем любой деловой портфель на коленях. Как оружие, которым некого поразить. Как напоминание о том, что под профессиональной оболочкой живёт кто-то другой. Кто-то голодный. Кто-то опасный. Кто-то настоящий.

Снаружи — уверенность, отточенная годами профессиональных переговоров, годами доказывания своего права быть услышанной в среде, где женщину слышат в последнюю очередь. Где её слова автоматически весят меньше, чем слова мужчины в таком же костюме. Где её компетенцию нужно доказывать трижды — сначала фактами, потом результатами, потом ещё раз фактами, потому что первый раз не считается. Так я научилась быть безупречной снаружи. И неукротимой внутри. Одновременно. Это и есть цена билета.

Внутри — тоска. Густая, тягучая — и при этом жгучая, как смола, которая не застывает. Болезненная потребность в свободе. В настоящей, не декларируемой. Не в той свободе, которую пишут на транспарантах и вставляют в корпоративные ценности. А в той, которая начинается с тела. С разрешения телу хотеть. С разрешения телу получать. С разрешения быть живой — не наполовину, не на четверть, не в строго отведённые часы, а целиком. Всегда.

Каждый взгляд, брошенный на неё, каждая минута без движения, без настоящего прикосновения, без риска — испытание. Потому что она жива только тогда, когда движется. Когда ощущает. Когда воздействует на мир — и чувствует, как мир отвечает. Когда кожа покрывается мурашками не от холода, а от присутствия другого человека. Когда сердце ускоряется не от страха, а от предвкушения. Когда всё тело становится одним сплошным нервным окончанием — открытым, чувствительным, жадным.

Она — не просто альтер эго. Не маска, которую надевают на карнавал и снимают утром. Не роль, которую играют на сцене и забывают за кулисами. Она — та энергия, которая слишком долго ждала своего выхода. Слишком долго сидела взаперти за стёклами строгих витрин чужих ожиданий, за стенами чужих определений того, какой должна быть правильная женщина, хорошая мать, успешный профессионал. Энергия, которая копилась годами — в каждом

подавленном желании, в каждой проглоченной обиде, в каждой ночи, проведённой в одиночестве рядом с человеком, который давно перестал тебя видеть. Энергия, которая, как вода за плотиной, рано или поздно находит выход. И когда находит — сносит всё на своём пути.

Теперь эти страницы станут её пространством. Единственным местом, где она может существовать открыто, без маски, без оправданий, без необходимости объяснять, почему она такая, какая есть. Здесь ей не нужно притворяться скромнее, тише, приличнее. Здесь она может говорить тем голосом, которым говорит на самом деле — низким, хрипловатым, с той особой вибрацией, которая появляется, когда человек наконец перестаёт сдерживаться.

И моим — тоже. Потому что мы — одно. Мы всегда были одним. Просто я слишком долго делала вид, что нас двое.

Я пишу эту книгу не для того, чтобы шокировать. Хотя знаю — шокирует. Не тем, что вы думаете. Не чтобы оправдаться — хотя кто-то прочитает именно так, потому что людям проще видеть оправдание, чем свидетельство. Не чтобы обвинить, хотя обвинения напрашиваются, и я не стану их прятать. Я пишу её потому, что несколько лет назад мне самой очень нужна была книга именно про это — про женщину, которая выбрала нестандартный маршрут и при этом не потеряла себя, а, напротив, нашла. Про женщину, которая упала на самое дно — не красиво, не героически, а по-настоящему, с грязью под ногтями и слезами на лице — и поднялась. Не потому, что была сильной. А потому, что у неё не было другого выбора.

Такой книги не существовало. Я искала. В книжных магазинах, в библиотеках, в интернете. Находила либо порнографию, прикрытую литературными амбициями, либо морализаторские притчи о падших женщинах, которые в финале непременно раскаиваются и возвращаются к «нормальной жизни». Ни то, ни другое не имело отношения к моей реальности. К реальности, в которой женщина может быть одновременно матерью и любовницей, профессионалом и искательницей, грешницей и святой — и ни одна из этих ролей не отменяет другую.

Теперь такая книга будет.

Вот она.

ЧАСТЬ I. ДО КЛУБА. РОЖДЕНИЕ ГОЛОДА

ГЛАВА 1. ТРЕЩИНА В ПОТОЛКЕ

Утро началось с сообщения, которое я уже давно научилась ненавидеть.

«Ты опять слишком много думаешь. Тебе нужно расслабиться».

Три короткие строчки. Ни «доброе утро», ни «как ты?». Только привычное лёгкое обесценивание, завёрнутое в заботу, — как горькая таблетка в ложке варенья.

Я лежала на спине в съёмной двухкомнатной квартире старого дома под снос и смотрела на трещину в потолке. Она начиналась в углу, ползла к центру, разветвлялась тонкими капиллярами и напоминала дельту высохшей реки, снятую с высоты птичьего полёта. Я знала каждый её изгиб наизусть. Иногда мне казалось, что трещина смотрит на меня в ответ — молча, равнодушно, как свидетель, который видел уже тысячи таких, как я.

За окном — серое ноябрьское утро. В комнате пахло старым деревом, пылью и чуть-чуть — чужой кухней из-за стены. Дом стоял в районе, который когда-то был обычным спальным, с велосипедами у подъезда и запахом шей по воскресеньям. Теперь здесь жили в основном мигранты: молчаливые, вежливые, исчезающие до рассвета и возвращающиеся глубокой ночью. По утрам сквозь тонкие стены просачивались обрывки чужой речи, запахи специй, редкий детский смех — тонкий, как птичий. Чужие жизни. Я не заглядывала в них. Мне хватало своей.

Моя квартира была почти единственной отремонтированной во всём подъезде. После потопа собственник сделал косметику: светлые стены, новый ламинат под светлое дерево, нормальная сантехника. Маленький островок порядка посреди общего хаоса. Последнее, что ещё держалось внутри меня.

Мне было тридцать шесть.

Возраст, когда, по всем канонам, жизнь должна быть уже «определившейся». Квартира, стабильность, понятные перспективы. У меня была съёмная квартира, нестабильная стабильность портфеля дистресс-активов и перспективы, настолько извилистые, что объяснять их кому-то не хватало ни сил, ни желания. И статус «разведена, с ребёнком» — ярлык, который прилипал прочнее дипломов и банковских счетов.

Я встала. Тело отозвалось знакомой тяжестью в пояснице — следствие бессонных ночей и постоянного напряжения. Потянулась, чувствуя, как позвонки хрустнули, мышцы спины напряглись и медленно расслабились. Прошла на кухню босиком. Холод ламината обжёг ступни. Поставила чайник. Привалилась спиной к столешнице и смотрела, как под стеклянной крышкой рождаются первые пузырьки. Пар поднимался, обжигая лицо влажным теплом.

Дочь была у отца. Несколько дней в неделю — наш выстраданный, неидеальный договор после развода. В эти дни квартира принадлежала мне целиком: вся тишина, вся пустота, вся возможность не улыбаться через силу.

Телефон завибрировал снова. Его имя на экране.

Я не ответила.

Чайник закипел. Я налила кипяток, бросила пакетик чая, смотрела, как вода темнеет. Тихо жужжал холодильник. За стеной — едва слышное радио на незнакомом языке.

Открыла почту.

Первое письмо — от банка. Сухое, канцелярское. Первая просрочка.

Второе — от арендатора из северного региона. Проект заморожен. Деньги — в бетоне и моих несбывшихся планах.

Третье — от инвестора. «Концепция слишком рискованная».

Я закрыла глаза. Знакомое острое ощущение — словно заноза под кожей. Чёрный лебедь. Геополитика. Пол. Возраст. Отсутствие нужных связей. Всё это складывалось в одну большую, тяжёлую причину, почему меня не слышат.

Прошла в ванную. Встала под горячий душ. Вода обжигала плечи, стекала по спине, по бёдрам, по животу. Я запрокинула голову, и вода попала в рот — горячая, почти невыносимая. Стояла так, пока не начало темнеть в глазах. Тело под водой было красивым — я знала это. Знала без тщеславия, как знают о наследстве, которым нельзя воспользоваться. Между ног уже несколько недель держалось воспаление — не острое, но настойчивое, как фоновый шум, как вопрос без ответа. Врачи говорили: стресс, гормоны, отсутствие нормальной сексуальной жизни. Я предпочитала не разглядывать этот портрет слишком внимательно. Слишком точный он был.

Закрыла глаза. Вместо нежности в голове всплыли его слова месяц назад, после очередного исчезновения и возвращения:

«Ты слишком интенсивная для меня. Я чувствую давление».

Давление было везде. В красных цифрах кредитов. В проваленных сделках, где видели не геополитику, а мою «некомпетентность». В глазах инвесторов, которые смотрели на меня не как на профессионала, а как на красивую женщину, случайно оказавшуюся в мужском кабинете.

Я вышла из душа. Долго стояла перед запотевшим зеркалом. Туман на стекле медленно таял — сначала проступило лицо, потом шея, потом всё остальное. Нанесла крем механическими движениями, вдавливая пальцы в бёдра, в живот. Запах крема был приятным — ванильным, с нотками амбры. Странно, что такой запах у кожи, которую никто не трогает.

Под строгое серое платье до колена я надела чёрное кружевное бельё, купленное две недели назад в приступе тихого, немого бунта — в маленьком магазине, где продавщица смотрела понимающе и от этого взгляда я чуть не сбежала. Ещё ни разу не надетое для кого-то. Только для себя. Для того голодного кого-то внутри, которому не с кем разговаривать. Я застегнула платье. Кружево тихо прилипло к коже. Красиво. И никому не нужно.

Сегодня — очередная встреча с потенциальным инвестором. Снова улыбаться. Снова раскладывать цифры. Снова доказывать очевидное.

Я стояла в прихожей — последняя секунда перед выходом, та особая пауза, в которой ещё можно всё изменить. И впервые за долгое время подумала отчётливо, без привычного самоодёргивания:

А что, если перестать держать всё внутри? Что, если позволить этому голоду наконец выйти наружу?

Хорошие женщины не думают таких мыслей. Я подумала.

Пока — только мысль. Опасная. Лёгкая дрожь в солнечном сплетении. Что-то, что ещё не оформилось в намерение, но уже существовало — тихое, настойчивое, неустрашимое.

Но уже — начало.

ГЛАВА 2. СНИСХОЖДЕНИЕ

День начал тяжелеть ещё до того, как я переступила порог кафе.

Погода снаружи была совершенно ни при чём: сухое, нейтральное городское утро, без запаха и цвета, из тех, что не оставляют воспоминаний. Я ехала в такси, тело двигалось автоматически — улыбка наготове, голова уже перебирала цифры, — а где-то в самой сердцевине груди зияла пустота. Как двигатель, у которого кончается топливо — но стрелка ещё не упала.

Встреча была назначена в небольшом кафе в хорошем районе — удобные кресла, приличный кофе, достаточно шума, чтобы деловой разговор не слышали за соседними столиками. Я любила такие места: можно было сидеть у окна и наблюдать за улицей, чувствуя иллюзию движения, даже когда сама сидишь неподвижно.

Инвестора я назову Станиславом. Мы работали уже полгода. Он периодически покупал коммерческие объекты, умел красиво говорить и жёстко торговаться, умел создавать впечатление человека, которому всё по умолчанию причитается. Из тех, кто привык получать скидки везде — у портного, у ресторатора, у женщин — просто потому, что он существует и смотрит на мир снисходительно.

Я пришла вовремя. Строгое серое платье до колена, волосы в аккуратном пучке. Под платьем — то самое чёрное кружевное бельё, которое тихо жгло кожу, напоминая о собственной нереализованности. Каждый шаг по кафе отдавался лёгким шорохом чулок и едва слышным шелестом кружева.

— Добрый день, — сказала я с профессиональной улыбкой. Без лишнего тепла.

Станислав окинул меня взглядом — тем самым, от которого хочется либо спрятаться, либо ударить. Взгляд был вполне светским, но задержался на груди и бёдрах на три секунды дольше, чем требовалось для делового приветствия. Я почувствовала, как соски мгновенно отреагировали на этот взгляд сквозь тонкую ткань бюстгалтера. Тело предало раньше, чем разум успел возмутиться. Я это возненавидела. Тихо. Привычно. Со знанием дела человека, которого предавали уже много раз подряд — всегда одним и тем же предателем.

— Выглядите потрясающе, как всегда. Садитесь. Кофе?

Разговор начался в привычном режиме: цифры, локации, потенциальная доходность. Я разложила перед ним презентацию по новому дистресс-объекту — небольшому торговому помещению в спальном районе. Всё было просчитано до запятой. Риски минимизированы. Цифры говорили сами за себя — если их слышать.

Станислав слушал ровно десять минут. Потом откинулся на спинку стула с видом человека, который сейчас скажет что-то «важное», и перешёл на «ты»:

— Слушай, я, конечно, ценю твою компетенцию. Ты умная. Это видно. Но давай честно. Мужики в этой сфере хотят либо переспать с тобой, либо использовать тебя как бесплатный аналитический ресурс. А ты пытаешься избежать и первого, и второго. Это не работает.

Я сжала ручку чуть крепче. В запястье напряглась тонкая мышца. Внутри одновременно кипело несколько слоёв: злость на поверхности, унижение чуть глубже и — где-то совсем внизу — странное, почти электрическое возбуждение от его наглой откровенности. Не от комплимента. От того, что кто-то наконец снял маску делового разговора и назвал вещи своими именами.

— Станислав, давайте останемся в рамках делового контекста, — ответила я ровно, хотя голос слегка сел.

Он усмехнулся — расслабленно, снисходительно, как смотрят на ребёнка, который пытается говорить по-взрослому.

— Я и остаюсь. Просто говорю то, что все думают, но никто не произносит вслух. Если бы ты меньше умничала и больше пользовалась своими... очевидными преимуществами, —

его взгляд снова медленно скользнул по моей фигуре, остановившись на вырезе платья, — ты бы давно не бегала по таким встречам с просрочками по кредитам.

Воздух между нами стухнул. Я чувствовала, как под платьем кожа покрывается мурашками — тонкими, предательскими, расходящимися от ключиц вниз. Не от холода. И не от его слов — от того, что в его словах было что-то, до чего он не имел права добраться. Что-то точное. Что-то, что я сама себе не произносила. Я ненавидела его за это. И ненавидела себя за то, что мурашки всё ещё не проходили.

Я молчала. Пусть говорит. Пусть вывалит всё, что накопилось.

— Подумаю над объектом, — сказал он наконец, закрывая папку с пренебрежительной аккуратностью человека, который уже всё решил. — Но без скидки в тридцать процентов меня это не интересует. И над собой подумай. Такой мозг и такая внешность не должны пропадать на провальном рынке.

Он встал. Пожал мне руку чуть дольше нужного — большая, горячая ладонь, сухая и тяжёлая. Я убрала руку, как только это стало возможным. Он ушёл. Счёт за кофе оставил на столе.

Я сидела ещё минут десять, глядя в пустую чашку. Кофе давно остыл. Официант обходил мой столик стороной. За окном шёл город — равнодушный, многолюдный, занятый собой.

Тело требовало разрядки. Не нежности. Не близости. Чего-то грубого, простого, животного — того, что заглушает голову и оставляет только ощущение. Три месяца без нормального секса, и раздражение стало фоновым шумом, а усталость поселилась в костях. Я знала, что это не про него. Это про меня. Это было почти унижительно — знать про себя такое.

Вечером пришло сообщение от него — того самого мужчины, к которому я была привязана иррациональной, почти болезненной силой.

«Извини, сегодня не получится. Важная встреча с утра. Тебе надо выспаться. Ты как там вообще?»

Я перечитала несколько раз. «Тебе надо выспаться». Не «мне». Тебе. Его фирменная манера — превращать собственное нежелание в заботу обо мне.

Я набирала ответ, стирала, набирала снова. В итоге отправила одно слово:

«Нормально».

Хотя больше всего на свете хотела написать: «Приезжай. Возьми меня так, чтобы я наконец почувствовала, что жива».

Потом легла на кровать в одной майке. Долго лежала в темноте. Майка задралась, обнажая живот. Я смотрела в потолок. Тело продолжало требовать. Я встала, подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу — резко, почти с наслаждением, как будто холод мог что-то остановить. Смотрела, как красный трамвай медленно уползает от остановки, и думала о том, что у водителя есть куда ехать. Что у всех есть куда ехать. Где-то за кольцом жила совсем другая жизнь — где люди не держат всё в себе, где тела получают то, чего хотят, где не нужно постоянно притворяться сильной и правильной и нужной всем, кроме себя.

В голове чётко, без предисловий, оформилась мысль, которую я гнала от себя уже несколько недель:

А что, если я просто отпущу себя?

Я открыла телефон. В поисковой строке медленно, боясь самой себя, набрала название одного из известных закрытых клубов, о котором слышала краем уха от подруги. Палец завис над кнопкой.

Сердце стучало громко. Нервно. С той частотой, с которой оно обычно не работает в спокойные вечера.

Это был ещё не шаг.

Но уже — первый осознанный взгляд в пропасть. Страшный. И — страшно признаться — с облегчением.

ГЛАВА 3. 4:10 УТРА

Ночь снова отказалась принимать меня.

В десять минут пятого я сдалась. Сняла маску для сна — ту самую, мягкую, красную, подарок себе на тридцатилетие, когда ещё верила, что правильные аксессуары могут починить сломанный сон. Маска была приятной на ощупь — тёплая изнутри, пахла чем-то нейтральным, почти аптечным. Наивно. Бесплезная вещь в красивой упаковке — я умела их выбирать.

Я села в темноте. Квартира молчала тяжёлой, вязкой тишиной. Из-за стены — приглушённые голоса на чужом языке, редкий гул автобуса на улице, шорох города, которому никогда не спится по-настоящему. Я встала, босиком прошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу. Фонари стояли в ряд — оранжевые, терпеливые, равнодушные. Городской свет в четыре утра особенный: он не освещает, он просто существует. Как молчаливая компания, которая не требует разговора.

И тогда оно пришло — старое, тяжёлое воспоминание, которое всегда просыпалось вместе со мной в такие часы. Словно темнота была ключом, открывающим одну и ту же потайную дверь.

Маме тогда было ровно столько же, сколько мне сейчас — тридцать шесть.

Я вижу эту кухню до сих пор, будто это было вчера. Старый линолеум в мелкий цветок, потёртый до дыр у плиты. Запах вчерашнего борща — тёплый, домашний — и под ним что-то острое, металлическое, чужое. Она стояла посреди кухни в старой серой фланелевой рубашке отца — той, которую носила дома зимой, когда хотела почувствовать его запах даже после того, как он ушёл. Мягкая рубашка. Мягкий запах. И нож в руке — тот самый, бытовой, которым чистили картошку по воскресеньям и резали хлеб к ужину. Я помню, как долго не могла понять, что именно не так, — пока не увидела нож. Обычный предмет, вдруг ставший чем-то чудовищным.

Лезвие блестело в свете тусклой лампочки. Руки матери дрожали мелко, почти незаметно — я увидела это, только когда вцепилась в её запястье. Кожа была тёплой. Живой. Это было страшнее всего — что она тёплая, что она живая, что вот эта рука с тонкими пальцами сейчас держит это. Глаза были пустыми. Не злыми — именно пустыми. Будто кто-то выключил внутри свет и забыл включить обратно.

— Всем будет лучше... — произнесла она тихо и ровно. Без истерики. Без слёз. С той страшной, деловой ровностью человека, который уже всё решил.

— Прекрати! — кричала я, пятнадцатилетняя, вцепившись в её руку обеими ладонями. Я была лёгкой, маленькой, но держала изо всех сил. Нож дрожал между нами. Холодное лезвие касалось её груди. — Ты будешь жить! Слышишь?! Будешь!

Я не помню, сколько это длилось. Не помню, как именно всё закончилось. То ли я вырвала нож, то ли она сама опустила руку. Помню только запах страха — свой собственный, кислый, с привкусом металла во рту, хотя я ничего не ела. Помню холод ручки ножа под пальцами, когда я его наконец держала уже сама. Помню, что долго не могла его отпустить. И как после того вечера мир внутри меня сдвинулся — бесшумно, как сдвигается фундамент, которого не видно. Я много лет жила с этим сдвигом, делая вид, что всё устойчиво. Наверное, я всё ещё делаю.

В ту ночь я перестала быть ребёнком. Не потому, что стала взрослой — это другое. А потому, что поняла жёсткую, взрослую правду: люди, которых ты считаешь опорой, сами нуждаются в том, чтобы их держали. И если не держать — они упадут.

Мама в молодости была невероятной красавицей — я видела фотографии. Большие светлые глаза, мягкие черты, нежная, хрупкая осанка. Отец влюбился, когда ей было шестнадцать.

Они поженились рано — по тогдашним меркам, правильно и своевременно. И любили друг друга так, будто за пределами их двоих ничего не существовало: болезненно, полностью растворяясь.

Я всегда думала, что это и есть настоящее. Один человек как весь мир.

А потом отец влюбился в другую. В ту, которая не растворялась. Которая держала свой центр, своё отдельное «я».

Мама сломалась. Не от самой измены, как мне теперь кажется. А от ощущения, что то, что было у них, было ненастоящим. Что она отдала всё, а оказалась недостаточной.

Тогда, в пятнадцать, я дала себе молчаливое обещание. Тихо, без слов, на том глубинном уровне, где обещания не произносятся, а просто встраиваются в структуру костей.

Со мной такого не будет. Даже если мой мужчина выберет другую — я выстою. Я буду готова.

Хорошие девочки так не падают. Я тогда ещё не знала, что буду хотеть упасть.

Я горько усмехнулась в темноте окна.

Потому что повторила почти всё.

Только теперь я больше не хотела быть той, кто держится любой ценой. Я хотела упасть. По-настоящему. Так, чтобы в этом падении было что-то только моё.

Я отошла от окна. Легла на кровать, свернулась калачиком — так, как сворачиваются, когда хочется стать меньше, занять меньше места, потребовать меньше от мира и от себя.

Где-то глубоко, на той глубине, куда голос доходит с трудом, прозвучала мысль, которая с каждым днём становилась громче:

А что, если я больше не хочу быть хорошей? Что, если я хочу быть той, которую невозможно не заметить? Без объяснений. Просто — хочу.

Той, которую однажды назовут «Моника».

Я ещё не знала тогда, что это имя уже ждёт меня впереди. Что оно существует как следующая станция, мимо которой нельзя проехать.

Но тело уже знало.

Тело всегда знает раньше.

ГЛАВА 4. ФУНКЦИЯ

Я вышла замуж первой среди подруг. Красивый, успешный муж, старше на девять лет, с той уверенной статью, которую в юности путают с надёжностью и силой. На фотографиях мы были идеальной парой: он — высокий, широкоплечий, с тяжёлым взглядом человека, который привык решать. Я — светловолосая, с большими глазами, прижатая к его боку, как будто уже тогда знала, что скоро растворюсь в нём полностью.

Свадьба была красивой. Белое платье, которое стягивало грудь и талию так, что дышать получалось только поверхностно — маленькими, аккуратными вдохами, чтобы не нарушить силуэт. Его рука на моей талии — собственническая, тёплая, тяжёлая. Цветы пахли сладко и немного душно — лилии, я просила не лилии. Гости кричали «горько», и я целовала его, и где-то под рёбрами, в самом тихом месте, что-то тихо ломалось — нежно, почти неслышно, как ломается то, что сломалось уже давно. Я думала: это и есть счастье. Мне было двадцать три года. Я не знала, что это была не любовь. Это была капитуляция, упакованная в белый шёлк.

Когда мне вручали диплом с отличием, муж сидел в первом ряду. Красный диплом он считал блажью — особенно для женщины. Я считала его спасательным кругом. Боялась повторить судьбу матери — остаться без профессии, без возможности самой себя поднять, если всё рухнет.

После рождения Тони он перестал смотреть на меня так, как смотрят на женщину. Появился другой взгляд — спокойный, хозяйственный, без желания. Я стала матерью его ребёнка. Хозяйкой дома. Ночью — тёплым телом, которое можно использовать, когда ему захочется, но без прежнего огня. Близость исчезла, когда мне было двадцать шесть. Просто однажды её не стало — как испаряется роса к полудню. Незаметно. Необратимо.

А я продолжала следить за собой. Надевала красивое бельё под домашний халат. Делала маникюр. Брила ноги — тщательно, до самого верха, и думала потом: зачем. Хотела чувствовать себя желанной хотя бы для самой себя — потому что больше было не для кого. Это был странный, тихий стыд — не за то, что делала, а за то, что продолжала. Что продолжала готовиться к чему-то, чего не было. Муж раздражался, когда я выглядела «слишком хорошо» для обычного вечера дома.

— Ты не выйдешь из дома в таком виде. Посмотри, как нормальные женщины одеваются.

«Нормальные женщины». Это слово преследовало меня в браке, как приговор. Будто существовал какой-то невидимый стандарт, которому я систематически не соответствовала. Чем красивее я выглядела, тем сильнее он злился. Будто моя красота стала ему укором за то, в чём он сам не хотел разбираться.

В декрете я наблюдала, как две мои подружки умело совмещают материнство с серьёзной работой. Они вели сделки, инвестировали, существовали в профессиональной жизни параллельно с семейной — не вместо, а вместе. Это завораживало. Мне хотелось того же. Не потому, что я не любила дочь — я любила её так, что иногда физически сжималось что-то под рёбрами. Но быть только матерью — это было не всё, что я умела. Жить только домом значило постепенно перестать быть собой.

Потом мне попала одна книга. Простая, широко известная — о финансовой свободе и инвестициях. Я прочитала её за два дня, украдкой, в промежутках между кормлениями и прогулками с коляской. Поняла: вот он, язык, на котором можно говорить о том, чего я хочу. Не наёмный работник. Инвестор. Человек, создающий активы.

Когда сказала об этом мужу, он посмотрел с лёгкой усмешкой — с тем особым выражением, которое бывает у людей, когда они слышат что-то, не вписывающееся в их картину мира. Я узнала этот взгляд. Так смотрят на женщину, которая не знает своего места. Я решила, что моё место — это моё дело.

— Твоя работа не имеет значения. Главное — чтобы ты всегда могла быть рядом с ребёнком, когда это нужно.

Я кивнула. А сама начала искать.

Нашла компанию, занимавшуюся инвестициями в коммерческую недвижимость. Меня приняли быстро — я была самой молодой, самой амбициозной, самой голодной до большой жизни. Страсть и энергия в этом деле ценятся не меньше опыта.

Именно там меня заметил первый мужчина после мужа.

Ему было сорок. Бывший силовик, теперь работавший в корпоративной безопасности. Их офис находился в соседнем здании, мы часто пересекались в лифте. Он был из тех, у кого харизма — не навык, а природная константа. Уверенный, тяжёлый, с той особой мужской плотностью, которую дают годы работы с настоящей, не декларируемой властью.

А я была голодна. Не в переносном смысле — в буквальном, телесном. Голодна до внимания, до взгляда, который задерживается на тебе не потому, что ты мешаешь пройти, а потому что хочет смотреть. До ощущения, что тебя видят. Что я существую не только как функция — не только как «мама», «жена», «аналитик по недвижимости». Этот голод был стыдным. Я его стыдилась. И кормила тайком, как кормят то, чего нельзя показывать.

Он умело использовал этот голод. Тонко. Compliments. Внимание. Совместные обеды в ресторанах, где можно было разговаривать по-настоящему. Потом — близость, которой не было дома уже несколько лет.

Сделки. Деньги. Адреналин. Ощущение, что ты снова живая. Что ты нужна — не как мать и не как хозяйка, а как женщина.

Муж что-то почувствовал. Эти вещи всегда чувствуются раньше, чем понимаются. Стал дарить подарки. Стал смотреть иначе. Стал снова хотеть близости. Но я уже летела по другой орбите. Когда он нашёл доказательства, я не стала каяться. Сказала прямо:

— Это следствие тех условий, которые ты создал.

Он взорвался. Были крики, скандалы, полиция, звонки в два часа ночи. Любовник в итоге вернулся к своей жене и назвал меня дурой. А я осталась одна с маленьким ребёнком, разбитым браком и тем особым видом стыда, от которого не отмыться — не потому, что сделала что-то не то, а потому что сделала что-то своё. Это разные виды стыда. Первый живёт снаружи, в чужих взглядах. Второй знает, что ты его понимаешь. Что ты делала это осознанно. Что не раскаиваешься по-настоящему. И именно это — самое стыдное. И именно это — правда.

После развода мы с дочерью переехали в съёмную комнату. Целую квартиру не сдавали — не верили, что разведённая мать потянет. Я маневрировала, приспособилась, держалась. Годы прошли, прежде чем появилась возможность снять нормальное жильё.

За окном рассветало. Я не заметила когда.

Я стояла у окна и понимала: вся моя жизнь до этого момента была попыткой не повторить судьбу матери. А в итоге я повторила — и даже больше, и даже иначе, и даже там, где не ожидала.

Я взяла телефон и открыла вкладку браузера, которую не закрывала с прошлой ночи.

Лучшие закрытые клубы города.

Палец завис над кнопкой.

Сердце стучало тяжело и часто.

Это было уже не просто мыслью. Это было решением, которое я ещё не произнесла вслух, но которое уже существовало — как факт, как следующий шаг, как неизбежность.

ГЛАВА 5. РОЖДЕНИЕ МОНИКИ

Я сидела на полу в гостиной, прислонившись спиной к дивану. Колени подтянуты к груди, телефон лежал рядом с открытой вкладкой. Но вместо того, чтобы читать отзывы о клубе, я снова проваливалась в прошлое — глубже, чем обычно, туда, куда добираться только в полной тишине.

Моя история началась в маленьком городе. Маленький город — это особое состояние мира. Там все знают всех, и это создаёт одновременно защиту и клетку. Защиту — потому что тебя видят, знают, принимают в расчёт. Клетку — потому что выйти за рамки того, что «принято», стоит дороже, чем в большом городе, где можно легко потеряться в толпе.

До пятнадцати лет мир казался мне понятным. Не простым — именно понятным. Родители, дом с тёплым дубовым паркетом, который скрипел под ногами — у каждой доски был свой звук, я знала их наизусть. Школа с физмат-уклоном, олимпиады по математике, ощущение, что жизнь движется в предсказуемом направлении. Летом мы ездили на речку, где пахло нагретым камышом и рыбой, и вода после дождя была тёплой сверху и холодной внизу, и этот контраст казался мне тогда самым сложным, что бывает в жизни. Зимой — санки с горки за школой, снег скрипел под ногами, и больше ничего не было нужно.

А потом всё рухнуло одним летом.

Отец ушёл к другой женщине. Мать не смогла ни простить, ни двинуться вперёд. Я видела, как она медленно гаснет — день за днём, как свеча в закрытой комнате. Именно тогда внутри меня впервые шевельнулось что-то твёрдое, острое, неумолимое.

Я отказалась поступать на математический факультет и подала документы на психологию. Все вокруг удивились: явные способности к точным наукам — и вдруг психология? Но я знала зачем. Хотела понять: как люди разрушают друг друга изнутри. Почему любовь, которую показывают, как самое светлое, что есть в жизни, так часто заканчивается темнотой и болью. Хотела получить инструменты, чтобы никогда не оказаться на месте матери с ножом в руке. Хотела знать, как устроен человек, который сломался, — чтобы самой не сломаться. Или сломаться правильно.

Моё поступление в известный университет стало последним совместным проектом моих родителей. Они помогли мне собраться, проводили на вокзал, сделали всё, что нужно — и разошлись в разные стороны навсегда. Я уезжала в шестнадцать лет. Нежная, ангельская внешне — светлые волосы до пояса, большие глаза, лёгкая растерянность перед громкими улицами. Но внутри уже горел огонь. Строптивная, громкая, с провинциальным диалектом, полная энергии и той особой голодной жадности до жизни, которая бывает у людей, выросших там, где жизнь была немного сжата.

Я приехала не просто учиться. Я приехала покорять — хотя и не знала тогда, что именно.

Первый студенческий роман закончился быстро и унижительно. Он был на два курса старше, с красивым голосом и лёгкой улыбкой. Мы целовались, сидя на скамейке на бульваре. А потом он сказал, что мои чувственность и энергия его пугают. Что он хочет чего-то поспокойнее. Это был первый раз, когда я услышала «ты слишком» — не последний.

Потом был мужчина значительно старше. С опытом, с несколькими языками, с властной манерой держать себя. Он стал для меня одновременно учителем и тюремщиком. Ставил высокую планку и давал понять, что я её никогда не достигну. Строил рамки и следил, чтобы я в них оставалась. Когда он уехал по делам на несколько месяцев, я впервые выдохнула по-настоящему. Когда вернулся и узнал, что рядом появился другой мужчина, — разразился скандал. Он кричал, что я неблагодарная, не способна оценить то, что ей дают. Я стояла и слушала, чувствуя, как внутри что-то ломается и одновременно — крепнет.

Новый мужчина оказался с тёмными наклонностями, он тайно снимал наши встречи. Я узнала об этом во время студенческого конкурса — в перерыве, в туалете, от общей знакомой, которая смотрела в телефон и не поднимала глаз. Она сказала это очень тихо. Я помню, как в тот момент пол под ногами стал ненадёжным — не метафорически, физически, мне пришлось взяться за раковину. Страх был телесным: холодный, быстрый, как вода за воротником. Я вышла обратно в зал и улыбалась. Я умела улыбаться. Меня даже похвалили за выступление. Никто ничего не заметил. Потом я долго не могла смотреть на себя в зеркало — не из-за стыда. Из-за ярости, которой некуда было деться.

Именно тогда, в центре этого ужаса и унижения, впервые пошевелилась будущая Моника.

Не сразу. Не явно. Как росток, который появляется из трещины в асфальте — сначала его почти не видно, потом его уже невозможно остановить.

Я поняла простую и жестокую вещь: страх — это инструмент управления. А моя энергия, страсть, то, что меня пытались превратить в слабость, — это не слабость. Это оружие. Всё, что считалось моей уязвимостью, можно было переплавить в силу. Нужно было только захотеть достаточно сильно.

Потом были годы брака. Строгого, тюремного — не потому, что муж был чудовищем. Он был обычным человеком своего поколения с обычными ожиданиями того, какой должна быть жена. Я была функцией: мать, хозяйка, женщина в доме. Никакой карьеры. Никаких помощников. Даже посудомоечную машину выбивала с боем. Мир вокруг меня повторял: женщина создана для труда и материнства. А внутри меня тихо тлел огонь — тот самый, который приехал со мной из маленького города.

В этих тисках, между готовкой и прогулками с коляской, между ночными кормлениями и бесконечной домашней работой, я получила второе высшее образование. Читала книги по инвестициям в промежутках между блюдами. Анализировала рынок, пока дочь спала. Строила стратегии там, где оставались минуты свободного времени.

Каждый отказ закладывал кирпич. Каждый скандал добавлял цемент. Каждая ночь, проплаканная в подушку, выстраивала фундамент.

Все эти годы ковали внутри меня ту, кого позже назовут Моникой. От детства в маленьком городе до разводов и декретных ночей, через унижения и прозрения, через тюрьмы чужих ожиданий и короткие вспышки собственной воли.

Я ещё не вышла на сцену. Я ещё не произнесла это имя вслух.

Но Моника уже жила во мне. Голодная. Злая. Красивая — и именно поэтому опасная. С той тихой яростью внутри, которую годами учили называть другими словами: «слишком много», «слишком интенсивная», «слишком». Готовая взять всё, что ей причитается, — если найдётся пространство, где это наконец станет возможным.

Я посмотрела на телефон.

Поиск всё ещё был открыт.

Палец наконец коснулся экрана. Я начала читать — медленно, вдумчиво, как читают вещи, которые меняют что-то важное.

Что-то сдвинулось внутри — не надежда, не страх. Что-то темнее и точнее. Узнавание.

Это было не падение.

Это было рождение.

ГЛАВА 6. ТОЛЬКО ОДИН РАЗ

Я больше не могла.

Не могла вставать по утрам и улыбаться Тоне, когда внутри всё выгорело дотла. Не могла вести переговоры с инвесторами, делая вид, что у меня всё под контролем, когда на счёте оставалось меньше, чем нужно на следующий платёж по кредиту. Обнимала дочь — и тело кричало от напряжения, которому некуда было деться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.